

Олег Губарь
Феликс

Даже не припомню, кто нас познакомил. Но это знакомство не могло не состояться, поскольку Одесса – большая деревня в хорошем смысле. Возможно, это был Владимир Георгиевич Николаев, один из старших коллег Феликса, героический офицер-фронтовик, отец моей давней соратницы по историко-археологическим эскападам Тани Николаевой по прозвищу Киса. Это мог быть ученик моего Отца по 106-й школе, редактор газеты «Знамя коммунизма» Юлий Маркович Мазур или легендарный фельетонист Карп Полубаков (Александр Петрович Шнайдер), с супругой которого Мама училась в Институте

иностраннных языков, и с которым мы периодически общались у Николаевых. Это мог быть мой первый редактор и учитель по жизни и в журналистике Николай Трофимович Щербань. Не исключено, наконец, что нас представил друг другу Евгений Михайлович Голубовский, знавший меня несколько ранее. Все это к тому, что коренные одесситы априори немножко родствен-

ники: по крайней мере родственные души, что они гораздо ближе шести рукопожатий.

Как и Голубовский, Кохрихт тотчас же принял меня близко к сердцу: покровительствовал, продвигал, предоставлял возможность немного заработать честными гонорарами. Такая возможность более отчетливо обозначилась в перестройку, когда резко выросло число печатных СМИ. Этот газетно-журнальный бум был обусловлен острым спросом на уже неподотчетную цензуре информацию, что имело как позитивные, так и негативные последствия. Появились мощные профессиональные газеты «Гласность», «Слово», «Одесский вестник», «Деловая Одесса», «Вестник региона» и др., не говоря уже о штабелях однодневок. Вместе с А.П. Шнайдером Феликс наладил выпуск первой в городе и регионе многостраничной юмористической газеты, пригласил к сотрудничеству и меня. Ныне вся эта живая динамичная картина как-то померкла и забылась, напрочь смыты имена фундаторов, работавших буквально на износ, и притом в радость, как стерся и некий кодекс журналистской этики и солидарности.

Феликс инициировал или был напрямую причастен к инициированию целого ряда масштабных социальных проектов, причем связанных не только с учреждением новых изданий, но и, скажем, институций современного искусства, музыкальных фестивалей, всевозможных культурных площадок и т. д. и прочее. Если же вернуться к традиционному жанру, Кохрихт создавал и развивал газету «Слово», в свое время чрезвычайно солидную и качественную, привлек меня к формированию первого в городе полноцветного иллюстрированного журнала «Одесса», а затем регулярного литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Втроем с Голубовским мы идем одной непроторенной дорогой очень много лет. Чудится, будто знакомы с юности, и эта юность все длится и длится, не петляя и не мельчая, и что так будет всегда. Вот уже 20 лет альманаху, а каждому из нас намного больше, и идти все труднее. Наверное, альманах и составляет пространство нашего обитания, продлевает наши дни. И это пространство, этот правильный мир отвечает тем условиям, в которых мы можем звучно и вместе совестливо существовать и в который

приглашаем созвучных нам людей. Это, по-моему, и есть подлинная гармония мира.

Мне кажется, из нас троих Феликс в наибольшей степени сохранил в себе ребенка: эмоционального, увлекающегося, подвижного, ранимого. И эта рельефная особенность невероятным образом сочетается в нем с родственными, родительскими, отцовскими чувствами, с последовательной толерантностью и обязательностью. Его, как и Голубовского, не надо оповещать о каких-либо моих неприятностях, затруднениях, он узнает о них сам, поскольку внимателен ко мне, чуток, участлив, тактичен. Тотчас же звонит и предлагает любую помощь, вплоть до переговоров с работниками Энергосбыта. Не было случая, чтобы он не одаривал меня изысканными игрушками (неизменное чувство вкуса и стиля), возвращаясь из поездок, путешествий, как и положено родителю. Не учит жить, а помогает реально и, как нынче говорят, по умолчанию. Принимая от него очередную экзотическую «склянку темного стекла», добротную картинку одесского художника, рабочий гонорар, вспоминаю присказку своего Бати: «У меня для тебя всегда что-нибудь найдется за корочкой партбилета».

Ни разу не употребил тут слова *друг, дружба*. Потому что наши отношения переросли дружбу: мы родные люди, мы семья. И среднего своего сына я назвал Феликсом.

